

Володин Сергей Филиппович

ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-Х ГГ. О ПРОБЛЕМАХ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ВОЕННОГО КОММУНИЗМА

В статье рассматривается опыт осмысления проблем эффективности труда в годы революции и военного коммунизма в историографии эпохи перестройки. Подвергнуты анализу труды Г. А. Бордюгова, В. П. Булдакова, В. В. Кабанова, В. А. Козлова, А. П. Логунова, С. А. Павлюченкова, Ю. А. Полякова. Автор указывает, что в новых общественных условиях историки начали пересматривать концептуальные основания экономической политики большевиков и акцентировать внимание на прежде скупом освещаемых фактах в сфере трудовых отношений. Делается вывод о том, что в это время происходит разрушение "канонической" аргументации по проблемам труда в советской экономике.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. III. С. 35-37. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье рассматривается опыт осмысления проблем эффективности труда в годы революции и военного коммунизма в историографии эпохи перестройки. Подвергнуты анализу труды Г. А. Бордюгова, В. П. Булдакова, В. В. Кабанова, В. А. Козлова, А. П. Логунова, С. А. Павлюченкова, Ю. А. Полякова. Автор указывает, что в новых общественных условиях историки начали пересматривать концептуальные основания экономической политики большевиков и акцентировать внимание на прежде скупо освещаемых фактах в сфере трудовых отношений. Делается вывод о том, что в это время происходит разрушение «канонической» аргументации по проблемам труда в советской экономике.

Ключевые слова и фразы: военный коммунизм; заработная плата; историография; производительность труда; рабочий контроль; трудовая дисциплина.

Володин Сергей Филиппович, к.и.н., доцент

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

volodin93@yandex.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-Х ГГ. О ПРОБЛЕМАХ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ВОЕННОГО КОММУНИЗМА[©]

Фундаментальный политико-идеологический сдвиг эпохи «перестройки» оказал глубокое влияние на историографический процесс. Эсхатологизм общественного сознания второй половины 1980-х гг., отмечала И. Чепель, порождал его «смысловую предельность». И эта предельность «подразумевала в связи с этим однозначный выбор в пользу существенно важных явлений. Причем подлинно существенным считалось только *главное, кардинальное, неоспоримое*» [11, с. 205]. Поэтому публицистичность, тенденциозность становились не просто «модой», «конъюнктурой», но, возможно, единственно адекватным для своего времени способом ответа на запрос общества.

И все же дело заключалось не в том, что «определенно и достаточно четко обособились друг от друга по меньшей мере две трактовки – исторической правды» – та, что относилась к сфере научных интерпретаций, и та, что продуцировалась массовым сознанием» [Там же, с. 213]. Внутри самой исторической науки начали оформляться разные направления, определившие своеобразие этого времени. В частности, А. П. Логунов выделил в перестроечной историографии три главных направления [5, с. 447-487]. Первое – консервативное, отстаивающее научность ленинского учения, в целом социалистический характер советской истории, заинтересованное в «очищении» от разного рода деформаций, в том числе и в отношении историографии. Именно представители этой позиции, по его мнению, «способствовали осмыслению, историографической и конкретно-историографической проработке тезиса о так называемых – белых пятнах – в теории» [Там же, с. 459-460]. И до поры исследовательская работа по заполнению белых пятен приносила плоды, удовлетворяющие читающую аудиторию. Однако с течением времени не могла не обозначиться задача по концептуальному обобщению открывшегося материала, которую по-своему пытались решить представители указанного направления. Так, Ю. А. Поляков, опираясь на тезис о многомерности исторического процесса, доказывал, что даже столь глубокие деформации, как чрезвычайное усиление государства и аппарата, не могли заслонять главные положительные потоки советского периода истории. Речь идет, прежде всего, о выдвижении людей из народа во все сферы жизни, быстрых темпах индустриального роста, организации социальной сферы [8].

Второе направление А. П. Логунов, с легкой руки Г. А. Бордюгова и В. А. Козлова, определил как «тоску по альтернативам». Его представители «видели и пытались целенаправленно выявлять различные зигзаги, тупики, отступления, сбои в темпах – в рамках общего движения к социализму» [5, с. 464]. Но тем самым их позиция сближалась с аргументацией Ю. А. Полякова. «Если была возможность построения – гуманного социализма», то, следовательно, все негативные аспекты советской истории – результат не социалистического выбора и даже не специфики российского развития, а либо беспомощности (или преступности) политического режима и конкретных политических лидеров, либо чрезвычайных условий, в которых разворачивалось строительство социализма в нашей стране» [Там же, с. 465].

Между тем, более глубокий анализ материальной основы возможных «альтернатив» подводил их к выводу «о том, что хотя абстрактно и существовала альтернатива административно командной системе, но в условиях нашей страны и нашей истории реализоваться она не могла» [Там же, с. 467]. Впрочем, добавим мы, появлялись и другие теоретические построения. В частности, Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов предложили в качестве таковых так называемые «большие алгоритмы»: «догоняющего развития», или индустриальной модернизации, «большой революции» и «доктринальный» взгляд [3].

Третье, радикальное направление отечественной историографии периода перестройки выступило против собственно методологических оснований советской исторической науки. По мнению А. П. Логунова, в его рамках «стало преодолеваться представление о *качественных различиях* между – ленинским – и – егалинским –

этапами в отечественной истории. В итоге был найден новый ключ к изучению истории советского государства как государства тоталитарного типа» [5, с. 471]. Правда, сам по себе этот новый ключ не гарантировал качество исследовательского труда. Стали публиковаться сочинения, отличающиеся узкой базой фактов и игнорированием теории, но заявлявшие о себе броскими заголовками запретных прежде тем. Ю. А. Поляков писал об этом: «Историки оказались среди развалин старой методологии, старой идеологии, старого мировоззрения. Их захлестывали волны воинствующего дилетантизма, новой политизации, новой тенденциозности, что неизбежно вело к новым фальсификациям, новой лжи» [9, с. 36]. Конечно, такой полемический оборот был слишком категоричен, поскольку игнорировал открывающиеся методологические возможности, в том числе в контексте приобщения к достижениям зарубежной историографии. К тому же обрушившиеся на исследователей массивы не доступных прежде эмпирических фактов уже невозможно было интерпретировать на основе устоявшихся канонов. Их однобокость была слишком очевидна. На «круглом столе» в мае 1987 г., посвященном задачам изучения рабочего класса, А. К. Соколов говорил об этом так: «Существует своего рода «запрограммированность», «закатанность» содержания исследований вокруг традиционно сложившихся подходов, одних и тех же тем с использованием стандартного набора данных, которые лишь «раскладываются» по отраслям, республикам, регионам» [1, с. 4].

Исследование проблем Октябрьской революции, гражданской войны, в т.ч. создание основ советской экономики всегда находилось под самым пристальным идеологическим контролем. Его ослабление в конце 80-х гг. открыло перед историками новые возможности и на этом исследовательском поле. В печати появились работы, претендующие на новизну в освещении «закатанных» прежде тем. Прежде всего, начали расставляться новые акценты в концептуальном осмыслении политики «военного коммунизма». Например, на «круглом столе» 22-23 октября 1988 г. В. И. Старцев заявил, что экономической программы у большевиков накануне Октября фактически не было. «Ленин назвал ряд мероприятий как переходные шаги к социализму... На практике ввиду обострения классовой борьбы программа эта вылилась в апологию децимации, поборов, конфискации, тюремного заключения, расстрелов. Новую экономику такими мерами построить было нельзя. А никакой учет и контроль не может произвести ни одного нового товара» [10, с. 108]. Здесь же А. И. Козлов восклицал: «Вновь неумолимо встает вопрос, что собой представляла эта политика («военного коммунизма»)? Только ли как вынужденная тяжкими обстоятельствами гражданской войны? Или она была отягощена ими, а своей основе все-таки служила отражением соответствующих первоначальных взглядов на методы строительства социализма?» [Там же, с. 162].

В такой же вопросительной форме проблема «военного коммунизма» ставилась в совместном очерке Г. А. Бордюгова и В. А. Козлова. Хотя они и утверждали, что весной 1918 г. большевики стояли накануне нэпа, все-таки признавали, что тогдашняя ленинская идея «предполагала тотальное огосударствление всех сторон общественной жизни и подконтрольность различных сфер государству» [2, с. 55]. Вместе с тем, они призывали не преувеличивать значение подобных программных документов. На что впоследствии С. А. Павлюченков, один из наиболее ярких представителей «радикального направления», справедливо отвечал: «а надо ли преувеличивать значение программ другого рода? (Речь идет об «Очередных задачах Советской власти»). Линию, выработанную в отношении буржуазии, Ленин неразрывно сочетал с экстремизмом в отношении крестьянства...» [7, с. 28].

Но что объединяло историков, так это признание очевидного: политика «военного коммунизма» являлась следствием увеличения распределительных полномочий государства в условиях мировой войны. Причем в этом контексте неизбежным являлось обращение к идеям А. Богданова. Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов, В. П. Булдаков и В. В. Кабанов, С. А. Павлюченков – все они подчеркивали приоритет А. Богданова в понимании того, что именно советское правительство лучше, чем царское или временное, сумело организовать прусское военно-коммунистическое распределение, весьма далекое от социалистического содержания. И в этом была, как писал в своем очерке 1991 г. С. А. Павлюченков, жизненная необходимость: «Система монополии, напоминающая германскую, была достигнута только в условиях полного огосударствления промышленности и продовольственной диктатуры, сопровождавшейся ожесточенной классовой борьбой с соответствующей классовой подоплекой» [6, с. 40]. Впрочем, путь к действенной диктатуре был непростым. В результате красногвардейской атаки на капитал производство оказалось развалено, а национализация привела к тому, что предприятия оказались на государственной дотации. Включенный печатный станок обесценил рубль и т.д. Также не приносил желаемых результатов принятый 26 марта 1918 г. Совнаркомом декрет об организации товарообмена. Последующая майская централизация продовольственного дела привела к тому, что «был сделан первый шаг по упразднению Советской власти на местах и концентрации властных функций в Центре. Вскоре по пути, предложенному Наркомпродом, двинулись ВСНХ, военное и другие ведомства, установившие свою вертикальную систему подчинения и ограничив роль органов советской власти к минимуму» [Там же, с. 51].

То есть, по мысли С. А. Павлюченкова, да и других авторов, перенос центра тяжести классовой борьбы из города в деревню стал катализатором политики военного коммунизма. В свою очередь результатом похода за хлебом стало нарастающее сопротивление крестьянства, приведшее к серьезным военным неудачам. Однако историки периода перестройки, несмотря на различия по другим вопросам, были солидарны с устоявшейся точкой зрения советской историографии. Выбирая между советской властью и реставрацией старого режима, крестьянство, в конечном счете, отдавало предпочтение первой.

Конечно, историография этого времени не могла обойти вопрос о месте и роли рабочего класса в складывающейся системе военного коммунизма. Теперь можно было выносить на обсуждение прежде скупо комментируемые факты. Один из них – широкое распространение в среде рабочих антиправительственных настроений [2, с. 96-97; 6, с. 69]. И речь шла не только о повсеместных забастовках, вызванных продовольственным

вопросом. «В 1919 г., – констатирует С. А. Павлюченков, – социалистическим партиям, стоящим в оппозиции большевизму, удавалось поднять значительные массы на выступления с политическими требованиями» [6, с. 70]. Речь шла, в частности, о мартовском выступлении рабочих Петрограда против новой власти. И хотя рабочие массы, испытав такой же перелом в сознании, как и крестьянство, отшатнулось от контрреволюции, их экономические требования отнюдь не угасли. Впрочем, более эффективными становились и формы государственного принуждения. Как отмечали Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов, «правительство принимает меры по закручиванию дисциплинарных гаек и милитаризации труда» [2, с. 97]. Среди этих мер и введение института принудительных работ, учрежденного постановлением Президиума ВЦИК от 11 апреля 1919 г.

В свою очередь В. П. Булдаков и В. В. Кабанов подчеркивали, что за полномасштабное развертывание политики милитаризации экономики в начале 1920 г. несет ответственность все руководство партии в целом. «Эти идеи, – писали они, – вовсе не казались бредовыми ни революционной молодежи, ни партийным функционерам» [4, с. 47]. В связи с этим они точно подмечали, что «Психология –экспроприации экспроприаторов» размыла представление о труде как первооснове общественного богатства. И в этой атмосфере сама теория стала давать сбои... (Поскольку в ленинском – С. В.) проекте идея организации производства явно подавляется идеей распределения. Условия гражданской войны не способствовали налаживанию производства в соответствии с социалистическим идеалом. Экономика в полном соответствии с богдановским определением –«военного коммунизма» по своей социальной ориентированности не выходила за рамки огромной авторитарно-регулируемой системы потребления» [Там же, с. 48].

И еще один важный вывод, к которому приходили исследователи. Политика «военного коммунизма», сопровождаемая централизацией управления, породила всеислие нового социального феномена – бюрократического аппарата. С. А. Павлюченков писал об этом так: «Воплотившись в госаппарат, большевики были вынуждены выражать и отстаивать помимо прочих еще и особенные государственные интересы, которые, все более развиваясь, отчуждали их от первоначальной задачи защиты интересов пролетариата и крестьянства. Это последнее произошло тем более легко и незаметно, поскольку большевики не имели в своем идеологическом арсенале необходимой защиты от встречной экспансии агрессивной государственной структуры» [6, с. 75].

Таким образом, в советской историографии эпохи перестройки «каноническая» аргументация по проблемам труда в годы революции и гражданской войны подверглась разрушению. Вместе с тем, историки разных взглядов признавали очевидный факт: политика «военного коммунизма» являлась следствием увеличения распределительных полномочий государства в условиях мировой войны. При этом такой тип распределительных отношений не мог не сказываться негативным образом на трудовой отдаче работников.

Список литературы

1. **Актуальные задачи изучения советского рабочего класса:** «круглый стол» // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 3-23.
2. **Бордюгов Г. А., Козлов В. А.** «Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? // История Отечества: люди, идеи, решения: очерки истории Советского государства / сост. В. А. Козлов. М.: Политиздат, 1991. С. 49-117.
3. **Бордюгов Г. А., Козлов В. А.** История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М.: Политиздат, 1992. 352 с.
4. **Булдаков В. П., Кабанов В. В.** «Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 40-58.
5. **Логунов А. П.** Кризис исторической науки или наука в условиях общественного кризиса: отечественная историография второй половины 80-х –начала 90-х гг. // Советская историография. М.: Российский государственный гуманитарный ун-т, 1996. С. 447-487.
6. **Наше Отечество** / С. В. Кулешов, О. В. Волобуев, Е. И. Пивовар и др. М.: Терра, 1991. Ч. II. 624 с.
7. **Павлюченков С. А.** Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Русское книгоиздательское товарищество – История, 1997. 272 с.
8. **Поляков Ю. А.** Исторический процесс многомерен // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 19-34.
9. **Поляков Ю. А.** Наше непредсказуемое прошлое: полемические заметки. М.: АИРО – XX, 1995. 216 с.
10. **Россия 1917 г.: выбор исторического пути.** М.: Наука, 1989. 284 с.
11. **Чепель И.** Исторические представления советского общества эпохи перестройки // Образы историографии: сборник статей / науч. ред. А. П. Логунов. М.: РГГУ, 2000. С. 199-234.

HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF THE 1980S ON PROBLEMS OF LABOUR EFFICIENCY IN THE YEARS OF REVOLUTION AND WAR COMMUNISM

Volodin Sergei Filippovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University
volodin93@yandex.ru

The article touches upon the experience of trying to comprehend the problems of labour efficiency in the years of revolution and war communism in the historiography of the age of perestroika. The works of G. A. Bordyugov, V. P. Buldakov, V. V. Kabanov, V. A. Kozlov, A. P. Logunov, S. A. Pavlyuchenkov, Yu. A. Polyakov are analyzed. The author shows that under new social conditions historians began revising the conceptual fundamentals of the Bolsheviks' economic policy and drawing attention to formerly poorly covered facts in the sphere of labour relations. It is concluded that at that time the demolition of «canonical» reasoning on labour problems in the soviet economy took place.

Key words and phrases: war communism; wage; historiography; productivity of labour; worker's control; labour discipline.